

Живет в Нижнем Новгороде (Россия).

МАГАЗИН ИГРУШЕК

В магазине игрушек привыкли к слезам,
только плюшевый пёс их узнал и слизал,
у него очень хитрая морда,
но его не купили, сказали – потом,
продащица зевает резиновым ртом
и теряется в сетке кроссворда.

В это время назавтра она чуть жива:
две руки на витрине, в руках голова,
в голове надоевший мотивчик,
посетителей мало, и ей бы самой
после смены дежурно сорваться домой,
чтобы скинуть усталость и лифчик.

Позади магазин, в магазине темно,
в чёрных лужах реклама, бензин и вино,
а мотивчик всё глуше и глуше,
кто-то рядом шуршит вечера напролёт,
это осень намокшими иглами шьёт,

шьёт каких-то людей для игрушек.

ЗАМКИ

Он отравлен бензолом, он ночью блюёт в Оку
и красуется швами в грязи и монтажной пене.
Этот город не слышит, как я прихожу к замку
и зачем-то считаю сосчитанные ступени.
А замок с перепуга почти матерится: «щёлк!»
/надо новый поставить, да мешкаю вот лет сто уж/,
в этом долбаном мире теней и небритых щёк
можно жить, если только дежурит знакомый сторож.
В южной комнате полночь, и люстра висит, как мышь;
из игрушечной кухни навстречу идёт стряпуха,
в недобитом кувшине томится рогоз-камыш,
начинённый стихами, стихами белее пуха.
Здесь не то чтобы сказка, но воздух не ядовит,
и не то чтобы воля, но выбор не так уж важен,
оклемавшийся город за шторами рот кривит,
насосавшись лекарства из тёплых замочных скважин.

ДВОРНИЧИХА

Смешной был март,
он сам сорил и мёл
/по чётным, по нечётным, ежедневно/,
у дворничихи было сто имён:
грязнуля, колываниха, андревна,
деревня, матерщинница, вдова,
кошатница, левша и даже дура...
а с неба так и падали слова,
шуршали от бордюра до бордюра,
ползли по черенкам её лопат
и лезли под перчатки из капрона,
но даже в самый чёрный снегопад
она случалась белой.
Как ворона.

